

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

2. Территории, наиболее благоприятные для размещения СЭЗ, имеют, как правило, приграничное расположение, а также характеризуются развитой транспортной, производственной и социальной инфраструктурой. В отдельных случаях создание СЭЗ оказывается целесообразным и в районах нового хозяйственного освоения, не обладающих указанными преимуществами, но привлекающих высокой концентрацией редких природных ресурсов.

3. Поскольку в мире инвестиционно-привлекательных территорий существенно больше, чем желающих инвестировать, существует конкуренция на международном инвестиционном рынке.

4. Благоприятный инвестиционный климат для инвесторов ассоциируется не столько со ставками и льготами, а больше со стабильностью в нормативно - законодательной базе государства, поэтому нельзя резко менять условия работы на территориях со специальным режимом.

5. Проанализировав опыт России, следует отметить, что технопарки в Украине должны остаться и иметь новый виток развития. Это позволит выйти на новые ступени развития экономики Украины

6. Положительное влияние СЭЗ на экономику страны в целом возникает, как правило, тогда, когда количество и размеры зон достигают определенной критической массы, а национальная экономика и национальное законодательство - определенной стабильности. Если правовая и хозяйственная системы шаткие, характер влияния СЭЗ может быть разнонаправленным. Проанализировав мировой опыт функционирования СЭЗ, следует отметить, что эффективность появляется через 8-10 лет после начала функционирования. Кроме того, методики оценки результатов работы специальных режимов несовершенны. Кроме поступлений в бюджет следует учитывать влияние СЭЗ и ТПР на экономику региона, на социально - экономическое развитие проблемных территорий. Важно также учитывать эффект мультипликатора и долю созданного ВВП в СЭЗ и ТПР (в том числе и на душу населения).

7. Целесообразно предоставить особый статус приграничным территориям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Законодавча та нормативно-правова база діяльності спеціальних економічних зон в Україні / НАН України; Рада по вивченню продуктивних сил України – К.: Віпол, 2004. – 670с.
2. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004-2015рр.) «Шляхом європейської інтеграції»/А.С. Гальчинський, В.М. Гесць та ін.// Національний ін-т стратегічних досліджень; Ін-т економічного прогнозування НАН України. – К., 2004.-416 с
3. Внешняя торговля и офшор за рубежом : [Электронный ресурс] // Интернет-база данных «Polpred». – Режим доступа: <http://www.polpred.com/free/sector/175>
4. Попов М. СЭЗы: быть или не быть? : [Электронный ресурс] / М. Попов // Фонд «Эффективное управление». – Режим доступа : http://www.feg.org.ua/ru/news/foundation_press/212.html
5. Макогон Ю.В, Кравченко В.О. Підходи до оцінювання результатів функціонування спеціальних режимів інвестування в Україні /Ю.В. Макогон., В.О. Кравченко// Економічні Есе. Випуск №19., Спеціальні економічні зони і території пріоритетного розвитку України.-Київ.: Інститут реформ.-2005р.-стр.81-88.
6. Ляшенко В.И. Регулирование развития экономических систем: теория. Режимы, институты/ В.И. Ляшенко/Монография/- ДонНТУ, 2006,- 668с.

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АСПЕКТЕ МИРОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Антошкина Л.И., доктор экономических наук, профессор, ректор Бердянского университета менеджмента и бизнеса

Висящев В.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия Бердянского университета менеджмента и бизнеса

Антошкина Л.И., Висящев В.А. Качество человеческого капитала в аспекте мировых миграционных процессов

В статье исследовано влияние миграции населения на традиционные социоэкономические системы развитых стран, проанализирована современная ситуация легальной и нелегальной миграции в странах Южной и Северной Америки, Азии, Европы. Миграционные перемещения людей, независимо от побуждающих причин, несут большие опасности для социоэкономических систем развитых стран и ещё больше углубляют проблемы этих стран. Рассмотрены особенности форм и методов защиты развитыми странами идентичности своего человеческого капитала от «растворения» в миграционных потоках. Статистический анализ нелегальной иммиграции в западноевропейских странах показал, что содержательные и количественные аспекты нелегальной иммиграции приближаются к американским, хотя их иммиграционная политика (исключая Великобританию) всегда была более жёсткой. Количественная оценка миграционных процессов населения в современном мире дала много новых возможностей для максимального эффективного использования качественного человеческого капитала независимо от его «первоприроды».

Ключевые слова: человеческий капитал, миграция, социоэкономические системы, иммиграционная политика, мировые миграционные процессы.

Антошкина Л.И., Висящев В.А. Якість людського капіталу в аспекті світових міграційних процесів

У статті досліджено вплив міграції населення на традиційні соціоекономічні системи розвинених країн, проаналізовано сучасну ситуацію легальної та нелегальної міграції в країнах Південної й Північної Америки, Азії, Європи. Міграційні пересування людей, незалежно від спонукаючих причин, несуть значну небезпеку для соціоекономічних систем розвинених країн та ще більше поглиблюють проблеми цих країн. Розглянуті особливості форм і методів захисту розвинутими країнами ідентичності власного людського капіталу від «розчину» в міграційних потоках. Статистичний аналіз нелегальної іміграції у західноєвропейських країнах показав, що змістовні та кількісні аспекти нелегальної іміграції наближаються до американських, хоча їх іміграційна політика (виключаючи Великобританію) завжди була більш жорсткою. Кількісна оцінка міграційних процесів населення в сучасному світі надала багато нових можливостей для максимально ефективного використання якісного людського капіталу незалежно від його «першоприроди».

Ключові слова: людський капітал, міграція, соціоекономічні системи, міграційна політика, світові міграційні процеси.

Antoshkina L, Visiashev V. The quality of human capital in the aspect of global migration

The paper studied the effect of migration on the traditional socio-economic systems in developed countries, analyzed the current situation of legal and illegal migration in the Americas, Asia and Europe. Migratory movements of people, regardless of the motivating reasons are great dangers for the socio-economic systems of developed countries and deepen the problems of these countries. The features of the forms and methods to the protect the identity of the developed countries of their human capital from the "dissolution" in migration flows. The statistical analysis of illegal immigration in Western European countries has shown as the meaningful and quantitative aspects of illegal immigration to the U.S. approach, although their immigration policies (excluding the United Kingdom) has always been tougher. Quantitative assessment of population migration in the modern world has given in many new opportunities to maximize the effective use of quality human capital regardless of its "prenature."

Keywords: human capital, migration, socio-economic system, immigration policy, international migration.

Постановка проблемы. Научные разработки проблем миграции населения носят многосекторный характер, но преимущественным является направление на трудовую миграцию. В ней обычно исследуется один вектор – исход избыточной рабочей

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

силы из бедных стран в развитие; при этом главной темой является влияние экого процесса на экономику стран. Вместе с тем, остаются в стороне другие аспекты влияния обычной трудовой миграции на развитие страны и новые явления в перемещении огромных человеческих масс, обозначившиеся в последней четверти XX века и принявшие системный характер в первом десятилетии XXI века.

Цель статьи – дать количественную оценку миграционных процессов населения в современном мире и обозначить характер их влияния на качество сложившихся в развитых странах социоэкономических систем, в частности, – человеческого капитала.

Изложение материалов исследования. Политические и общественные системы всех развитых и ряда развивающихся стран заняты активным поиском возможностей неуклонного повышения качества человеческого капитала. На достижение этой цели направлены многочисленные и дорогостоящие программы ускоренного воспроизводства интеллектуального потенциала в отдельных странах и одновременно прилагаются немалые усилия для привлечения в эти страны высокообразованных, талантливых людей из других стран в основном, из бедных, хотя это и не является абсолютным правилом: значительная часть таких «перетоков» приходится на развитые страны, когда, например, из Великобритании или Австралии специалисты переезжают в США или Канаду либо на постоянное, либо на временное жительство; здесь вопрос лишь в различии уровней привлекательности важных для таких людей интересов (большие возможности для реализации творческого потенциала, карьерного продвижения; более либеральная налоговая политика; лучший климат и т.д.). Глобализация мирохозяйственных взаимоотношений дала множество новых возможностей для максимального эффективного использования качественного человеческого капитала независимо от его «первоприроды». Обработка таких возможностей и широкое использование в контексте долговременной перспективы составляет одну из «острых» сфер международного конкурентного соперничества.

Исторический анализ однозначно свидетельствует: сложившиеся в развитых странах социоэкономические системы формировались в течение многих десятилетий и даже столетий. Их статус развитости стал адекватным следствием необратимости политики сохранения и воспроизводства собственного интеллектуального потенциала (что присуще главным образом европейским странам, Японии и Южной Кореи), а также «собираания» талантов со всего мира (что особенно заметно на примере США).

Современная конкуренция во всех сферах наукоёмкого производства и высоких технологий ведётся исключительно между развитыми странами, при неоспоримом лидерстве одной страны, а разрыв между ними и остальным миром только углубляется, как и драматические последствия для этого мира такого увеличивающегося разрыва в возможностях сохранения в своём распоряжении имеющегося интеллектуального потенциала. При отсутствии всего рода «занавесов» перетоки интеллекта, самого качественного человеческого капитала из бедных стран в развитые стали абсолютной тенденцией, закономерностью последних 65-70 лет.

Если высший уровень качества человеческого капитала персонализировать с самой престижной в мире научной премией – Нобелевской, и выяснить, в каких странах их обладатели дислоцировались, начиная с 1901 года, то окажется, что 95% лауреатов – это граждане нынешних стран Первого мира. Если же из общего числа лауреатов (830 чел.) исключить весьма политизированные премии Мира и по литературе, то доля обладателей научных премий (физика, химия, медицина, физиология, биология и экономика) за достижения, продвинувшие человечество в познании законов природы и общества, обеспечившие научно-технологический прогресс, из стран Первого мира составит почти 99%.

В настоящее время только в США живут 160 лауреатов Нобелевской премии в области науки, причём, это – вполне интернациональный состав: 60-англичане, из них 51 – «чистые» англосаксы; 61 – евреи; 10 – немцы; 6 – китайцы; по 2 – чехи, шведы, итальянцы, японцы, арабы; по 1 – индус, бельгиец, румын, француз, мексиканец, норвежец, швед, голландец; по 1 – учёные «смешанного» происхождения – «поляк-итальянец», «немец-голландец», «швед-норвежец», «немец-француз», «голландец-француз» [1].

Кроме этих данных (результаты переписи населения США в 2010 году) о научных гениях следует упомянуть *гениев техники*, обогативших Америку, но не свою Родину: Н. Тесла – чех (один из основателей электротехнической индустрии), россияне И. Сикорский (изобретатель вертолёт), В. Зворыкин («отец-телевидения»), С. Брин (один из основателей корпорации Google) и многих других, чьи таланты способствовали процветанию их новой родины.

Можно, конечно, утешать себя тем, что человеческий гений интернационален и что он обогащает всё человечество, но всё равно остаётся печальный вопрос – почему не только в прошлом, но и в наше время столь терниста судьба многих талантливых людей, которых от неизбежного забвения спасает лишь эмиграция? Несмотря на риторичность этого вопроса, остаётся очевидный факт – созданные коллективными усилиями лучшего человеческого капитала социоэкономические системы многих развитых стран и в дальнейшем будут «притягивать» таланты со всего мира не сопоставимыми возможностями для их самореализации и расцвета.

Однако тот же исторический анализ свидетельствует, что не всякое миграционное перемещение людей из одних стран в другие является благом для одних и потерей для других. Оценивая множество фактов конца прошлого и первого десятилетия нынешнего веков, можем утверждать: современные миграционные перемещения людей, независимо от побуждающих причин, несут большие опасности для социоэкономических систем развитых стран и ещё больше углубляют проблемы стран – начальных пунктов таких перемещений. Помимо мгновенно возникающих в связи с миграционным «нашествием» экономических проблем (развитые страны пока их решают, а нередко и используют с выгодой для себя), складываются опасности отложенного действия – снижение качества человеческого материала развитых стран как следствие «разжижения» их популяции огромными массами людей иной культуры и, как правило, не имеющих сравнимого образования. Воспроизведенные ими потомства ещё долго будут носителями первородных традиций, привычек, мировоззрения, в силу чего будет сохраняться противодействие их ассимиляции в коренные сообщества, а значит – и опасность деградации этих сообществ. Почти во всех развитых странах эти опасности уже вполне материализовались, но необходимой готовности их нейтрализовать ещё не наблюдается.

Ощущение миграционных опасностей и недостаточная реальная готовность им противодействовать – это категории разного порядка. Научные исследования причин и последствий миграции населения ведутся не менее 250 лет, с тех пор, как первые значительные потоки людей из Европы начали перемещаться в открытые путешественниками новые территории в Азии и Африке, а затем – и в Америке, большая часть которых стала колониями европейских стран. «Ощущать» эту миграцию коренное население таких территорий могло только количеством жертв, «выбитых» переселенцами для создания плацдармов своей последующей экспансии.

Фактически до распада колониальной системы (конец Второй мировой войны) научные исследования по колониальной тематике сводилось главным образом, к оценке *выгод*, получаемых колонизаторами от вывоза рабов, сырьевых ресурсов и некоторого количества производимых на этих территориях товаров, а также *затрат* на военно-транспортные операции по обеспечению власти на захваченных территориях и доставке ценностей в метрополию. За столетия «ощущения» аборигенов «стёрлись», и лишь история может «освежить» их память, если такое желание у них возникнет. Но у абсолютного большинства нынешних жителей бывших колоний сейчас преобладают чувства и желания, далёкие от исторических переживаний – многим из них приходится искать пути и способы выживания. Именно эти обстоятельства, усиливаемые военными, этническими, религиозными конфликтами, природными и техногенными катастрофами, вынуждают к миграционному движению огромные массы людей. Исследованиями этих процессов заняты многочисленные международные организации, научные фонды и группы, отдельные учёные, в связи с чем у представителей власти и общественности всегда имеется в распоряжении обширная миграционная информация для того, чтобы не только «ощущать» эти процессы, но и заблаговременно готовиться к реагированию на них.

Однако исследователи и правительственные эксперты всё чаще признают, что власти почти всех развитых стран имеют весьма смутное представление о том, что практически нужно делать сейчас и какой должна быть их практическая политика в ближайшем будущем перед лицом нарастающей иммиграционной волны. Нет надлежащего порядка даже в сфере простейшей *организации учёта* количества мигрантов. В основном по этой причине страны Запада захлёстывают волны *нелегальной иммиграции*. К причине организационной неразберихи в последние годы всё очевиднее добавляются коррупция в миграционных службах и в органах местного самоуправления (особенно, в приграничных районах), а также деятельность международных мафиозно-бандитских группировок, фактически уже взявших под свой контроль наиболее активные маршруты миграции людей и «транзитные» страны как промежуточные пункты временной остановки мигрантов (в том числе, Украина). Это *нелегальное нашествие* несёт и вызывает настолько серьёзные опасности и проблемы, что теперь научные исследования и внимание СМИ переключились на «ощущения» коренных жителей развитых стран (а также и «транзитных»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

стран).

В каждой развитой стране существует довольно сильно различающийся государственно-общественный «градус терпимости» иммиграции. Если условно не брать в расчет крайние всплески недовольства коренного населения приграничных штатов США и Мексики (Аризона, Техас, Калифорния, Нью Мехико), то в целом США можно отнести к числу стран с наиболее либеральным отношением к иммиграции вообще и к нелегальной, в частности. Что касается легальной иммиграции, то с нею в принципе не может быть никаких проблем для США, потому что она: 1) управляема; 2) эффективна (выгодна даже в периоды кризисов); 3) поощряема (различными программами); 4) ментально близка и понятна населению, которое свято чтит достижения всех поколений иммигрантов, создававших страну.

По этим же причинам в эту группу можно отнести Австралию и, с некоторыми допущениями, – Канаду. То есть социоэкономические системы США, Австралии и Канады, – по крайней мере, в настоящее время – ещё не подвержены серьёзной опасности качественной деформации под влиянием нелегальной иммиграции, несмотря на её огромный масштаб, измеряемый десятками миллионов людей. В то же время, эксперты замечают некоторое изменение общественного отношения к мусульманской иммиграции и связывают его с террористической атакой 11 сентября 2001 года, а также с многочисленными попытками терактов в последующие годы. В целом терпимое отношение американцев к иммигрантам из Латинской Америки и Мексики местами подрывается учащающимися фактами их криминального поведения. Становится заметным недовольство американцев увеличивающейся нагрузкой на систему социального обеспечения и ухудшением школьного обучения в школах с большим количеством детей нелегальных иммигрантов.

Несмотря на все негативные проявления подобного рода, эксперты не спешат выстраивать их в тенденцию; если верить их оптимизму, то пока сохраняется в целом либеральный уровень общественного отношения к иммигрантам, в том числе нелегальным. В то же время политические партии и группы по отношению к нелегальной иммиграции резко поляризованы – от содействия ей (зачастую даже вопреки действующим законам) до резко негативного взгляда на её экономические последствия, выражающегося в требованиях радикализации иммиграционного законодательства, населения силовых структур дополнительными правами в части контроля иммигрантов, отмены права на гражданство детям иммигрантов, родившихся в США и др. Но при всём этом явно заметно, что связанная с нелегальной иммиграцией политика носит сиюминутный, текущий характер и совершенно не учитывает её долговременные последствия.

Согласно предварительным результатам переписи населения 2010 года, в США проживает около 309 млн. чел. За десятилетие с 2000 года прирост составил 9,7%, то есть примерно 30 млн. человек, и был обеспечен на 40% иммиграцией – как легальной, так и нелегальной [2]. Всего, по оценкам разных специалистов, без официального статуса в США живут от 10 до 11 млн. человек, из которых 60% приходится на Мексику, 20% – на другие латиноамериканские страны, 11% – на выходцев из Южной и Восточной Азии, 9% – на приезжих из других частей планеты [3]. По другим источникам, нелегалов в США от 5 до 20 млн. человек, причём ежегодно в страну пробирается без разрешения 400-700 тыс. человек [4]. Такой разброс оценок нелегальной иммиграции в стране с высочайшим технологическим уровнем учёта и контроля заставляет подозревать наличие своего рода политики: власти фактически не желают привлекать к этой проблеме избыточного внимания как своей, так и мировой общественности, хотя формально постоянно декларируют свою «забоченность» ситуацией.

Для такого отношения у властей имеются свои резоны; например, в зависимости от того, какая партия – демократическая или республиканская – находится в данный момент у руля государства, в предвыборный период либо максимально упрощаются и ускоряются обычно сложные и длительные процедуры натурализации нелегалов, чтобы увеличить число «своих» избирателей, либо – наоборот. Но этот политический пасьянс идёт вразрез с идеями основателей государства и долговременными интересами страны.

Ещё на заре американской государственности Джордж Вашингтон в письме Дону Адамсу предостерегал, что Америка не может быть всеядной, что должны быть определённые критерии отбора; уже в то время Президент США видел в качестве первоочередного фактора отбора готовность иммигранта ассимилироваться и интегрироваться в американскую жизнь. Он поясняет свою мысль, подчёркивая, что вновь прибывающие, смешиваясь с уже живущими здесь, должны усваивать язык, обычаи, нравы, законы, словом, делать всё для того, чтобы нация становилась единой.

Эту идею предельно ясно развил Джеймс Мэдисон: «Америка должна принимать всех готовых к ассимиляции и отвергать тех, кто к ней не готов». Вслед за ними в 1802 году Александр Хамилтон предупреждал о том, что инкорпорирование в американскую среду не ассимилированных иммигрантов таит в себе серьёзную опасность и способствует расколу общества, особенно в тех случаях, когда лояльность вновь прибывающих принадлежит не Америке, а другим странам. «Допуская в страну иммигрантов без всякого прозора, – писал он, – мы тем самым ввозим троянского коня в нашу цитадель свободы и суверенитета» [5]. То, что мы видим сегодня, во многом подтверждает правоту отцов-основателей нации.

Во-первых, большинство нелегальных иммигрантов привозят с собой в США крайне низкий уровень человеческого капитала, недостаточное образование (или полное его отсутствие), и никакую нужную квалификацию. Раньше, когда у Америки ещё были «рубежи», и способность зарабатывать была тесно связана с умением человека физически трудиться, подобная иммиграция была абсолютно целесообразна – экономика расширялась экстенсивно даже больше, чем интенсивно. В сервисной экономике XXI века, где разница в зарплате получивших высшее образование и не имеющих его, беспрецедентно огромна, а все простые возможности для роста уже давно исчерпаны, подобная иммиграция ведёт к серьёзным деформациям социума. В частности, образуются социальные группы без каких-либо жизненных перспектив; их представители получают самые низкие доходы; для них фактически недоступно качественное образование и т.д. Отличаясь в то же время высокой репродуктивной способностью, не ограничиваемой низким интеллектом, они быстро растут количественно и тем воспроизводят проблемы в новых поколениях.

Во-вторых, иммигранты из Мексики, Латинской Америки, мусульманских стран Азии и Африки селятся чаще всего компактными общинами, образуя этнические анклавы. Ассимиляции они предпочитают пребывание в таких анклавах. Они имеют собственные СМИ, предпочитают свои культуру и язык и всё больше превращаются в «нацию внутри нации». Известный политолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» утверждает, что подобные анклавы крайне опасны, так как в них заложен потенциал «балканизации», то есть возможного вытеснения пришлым этносом коренного населения с занимаемой территории; кроме того, на территории США возможно возникновение «этнических Ольстера или Квебека», население которых может потребовать формального признания «своей отдельной и уникальной, например, испанской культуры и своей принадлежности к ней». Конечно, возникшие на юге и юго-западе США (в основном в штатах Аризона, Нью-Мехико, Техас, Невада и Калифорния) подобные анклавы ещё далеки от требований сепаратизма, но политические игры на тему нелегальной иммиграции до добра не доведут.

Перепись населения 2010 года показала, что ныне в 35 из 50 крупнейших городов США люди европейского происхождения составляют меньше половины населения, а в штате Калифорния, где белые составляли в 1970 году 70%, в настоящее время их доля снизилась до 43% [4]. За последние 20 лет число избирателей из национальных меньшинств выросло на 11%, а белых сократилось на 15%. Прогнозируют, что к 2042 году белые станут в Америке тоже меньшинством [2].

Меняющаяся демографическая картина Соединённых Штатов является важным аргументом противников нелегальной иммиграции; их тревоги выражаются в утверждении: нелегалы разрушают страну. Их доводы опираются на разнообразную статистику: нелегалы занимают в американском обществе «дотационную нишу»; они не платят налоги; относительно более высокая преступность нелегалов вынуждает общество тратить больше средств на борьбу с нею (например, только в 2009 году из США депортировали 387 тыс. 790 мигрантов, из которых 136 тыс. 126 человек были признаны виновными в различных преступлениях [3, 4].

Экономическая цена нелегальной иммиграции для налогоплательщика составляет (после вычета мизерных налогов всё-таки уплаченных иммигрантами) около 85 млрд. долларов в год, что равно «нагрузке» на среднего американца в 15 тыс. долларов ежегодно. Эти деньги идут:

- на социальную поддержку нелегалов (на них приходится до 60% всех социальных выплат в США);
- на медицинские расходы при рождении детей (у нелегалов ежегодно рождается около 500 тыс. детей и почти 100% связанных с

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

этим расходов оплачиваются государством);

- на оплату жилья нелегалов (около 60% – расходы налогоплательщиков);
- на обучение детей нелегалов в школах (в южных штатах страны их численность превышает 30% всего контингента школ различного уровня).

Но богатая страна, мощь которой была создана многими поколениями иммигрантов, и дальше мирилась бы с такой экономической ценой нелегальной иммиграции, если бы не нарастала опасная преступность в анклавах её дислокации (убийства, торговля наркотиками, контрабанда оружия, работорговля, проституция). Для в целом законопослушного коренного населения такие «удары» по моральным устоям, традициям становятся невыносимыми, что подтвердили события, например, в штате Аризона в начале 2010 года, где население фактически объявило бойкот губернатору и потребовало реальных мер для обуздания нелегалов. Их преступность опасна вдвойне – она «втягивает в криминал и склонных к нему коренных жителей». В настоящее время криминогенная ситуация в приграничных штатах превзошла уровень 30-х годов XX столетия, а в федеральных и штатных тюрьмах находится около 500 тыс. нелегалов, что обходится налогоплательщикам в 1,5 млрд. долларов в год [4].

Фактический провал иллюзий относительно ассимиляции нелегалов, беспрецедентный рост их преступности и резко утяжелившееся экономическое бремя связанных с нелегальной иммиграцией расходов заставляют менять чрезмерно либеральную политику в этой области на более рациональную и разумную, из которой были бы исключены как спекулятивная сентиментальность (типа «Америка – страна иммигрантов»), так и расистский вздор (основной козырь «правозащитников») [6].

В связи с этим чаще стали вспоминать исторический опыт как периода становления государственности, так и первой половины XX века, в ограничении нелегальной иммиграции. После первых четырёх законов, определявших правила и условия натурализации – вступления в гражданство США, в 1882 году Конгресс принял закон «О недопущении китайцев». Выходцам из крупнейшей страны Азии было отказано в праве поселиться на жительство в США под тем предлогом, что они плохо ассимилируются в Америке, не знают и не изучают английский язык и т.п. Это был первый и единственный американский закон, который прямо вводил запрет на въезд в страну по расовым мотивам.

Очень вероятно, что этот закон сыграл-таки свою роль: сейчас китайцы – одна из наиболее желаемых и многочисленных групп легальной иммиграции, они составляют самую многочисленную среди нацменьшинств прослойку профессоров американских университетов и успешных бизнесменов в высокотехнологичных сферах экономики, по численности они лидируют среди иностранных студентов американских университетов и профессиональных училищ (колледжей, техникумов), их практически нет в рядах нелегалов и в хронике преступности (хотя в 1930-е годы они вместе с японцами составляли основу бандитских группировок крупных городов). Вероятно, особое отношение официальных кругов США к одной расе определило и особый характер экономических отношений между великими странами в последующие годы – теперь они связаны взаимной потребностью в сотрудничестве в самых различных областях: от бизнеса, финансов, науки до культурных программ. Теперь в школах крупных городов Китая английский язык изучается как второй обязательный, а в университетах этих городов студенты из США – первая по численности иностранная группа.

Но эта практика не была применена к выходцам из Южной Америки и Мексики. Нелегальный поток из этих направлений то усиливался, то несколько спадал в периоды кризисов (например, в годы Великой Депрессии он упал в 10 раз – с 279 тыс. в 1929 году до 23 тыс. в 1933-м году [4]), но всё равно оставался достаточно мощным. После 1882 года власти США прикрывали расовые и национальные мотивы в иммиграционном регулировании терминами вроде «квот по странам происхождения»: сначала была введена норма приёма иммигрантов пропорционально сложившемуся первоначально составу американского населения (как позже выяснилось, это была грубейшая государственная ошибка, фактически открывшая шлюзы для миграционного потока из южных направлений), а потом появились квоты по странам въезда. Так, закон «Об иммиграции» 1924 года раскладывал общую квоту приёма иммигрантов в количестве 150 тыс. человек по странам въезда. Со временем были введены и ограничения политического характера – на «красных» в 1920-х годах и на «коммунистов и им сочувствующих» в 1950-х годах (закон Маккларена-Волтера 1952 года).

Однако все эти меры, усложняя процедуры регулирования легальной иммиграции, уже никак не могли что-либо изменить в векторах и интенсивности иммиграции нелегальной. Принципиальные ошибки в иммиграционной политике первой половины XIX века, допущенные, возможно, из благих намерений, уже не могли существенно изменить тот факт, что в стране сформировалась, организационно и финансово укрепилась мощная инфраструктура обслуживания миграционных потоков (в том числе и нелегальных) из стран Латинской Америки и Мексики: лоббисты в высших органах всех ветвей федеральной власти, в органах местного самоуправления, в руководстве силовых структур и т.д. Свою роль играют принадлежащие выходцам из этих стран финансовые, промышленные корпорации и СМИ. Именно эти силы управляют огромной массой низкокачественного человеческого материала, как легализовавшегося в США, так и продолжающего нелегально поступать в страну вопреки строгим официальным правилам, но фактически при содействии официальных структур (в том числе и коррумпированных).

Понимающие глубинную опасность этих демографических процессов политики, учёные, общественность с предсказуемой тревогой ожидали объявления результатов переписи населения 2010 года. И дождался: испаноязычная популяция в стране составляет 50 млн. человек, или 16% всего населения; из почти 30-миллионного прироста населения за 10 последних лет половину составили представители этой популяции [7]. Теперь для использования законных демократических процедур формирования власти путём выборов потребуются неподражаемое время. Есть уверенность, что за этими будущими процессами с напряжённым вниманием станут наблюдать во многих странах мира (в том числе и в Украине). Из области пока ещё фантастических предположений о будущем названии страны чаще других упоминаются «Соединённые Штаты Мексики». Но при этом пессимисты могут проглядеть стремительный рост мусульманской популяции (ещё один «росток» нормы приёма иммигрантов пропорционально сложившемуся составу населения страны); какое же тогда название страны придётся выдумать?

Из области чёрного, но имеющего реальную природу, юмора в Америке ходит такое сравнение: что будет, если Вы нелегально пересечёте границу? Отвечают: *Северной Кореи* – получите 12 лет исправительных работ, после чего – высылку куда угодно; *Ирана* – Вас навеки упрячут в тюрьму; *Афганистана* – Вас застрелят; *Китая* – больше никто и никогда про Вас не услышит; *Венесуэлы* – Вас тут же назовут шпионом и Ваша жизнь будет кончена; *Кубы* – Вас сгноят в политической тюрьме; *Соединённых Штатов Америки* – Вы получите:

- работу;
- водительское удостоверение;
- карточку социального страхования;
- материальное пособие;
- субсидированную квартиру или беспроцентный заём на покупку дома;
- бесплатное образование;
- бесплатное медицинское обслуживание;
- лоббиста в Вашингтоне;
- миллионы долларов на публикацию документов на Вашем родном языке;
- право провести демонстрацию протеста по поводу ущемления Вас в правах... [8].

Похоже однако, что хотя есть широкое понимание факта огромных финансовых затрат как неизбежного результата малообразованной, не законопослушной и агрессивной иммиграции, всё-таки её влияние следует считать вторичным фактором, а первичным в подрыве социоэкономической системы страны фактором является сама власть и та политическая система, которая на демократических основах воспроизводится. Противоборство в этой системе разнополярных политических интересов делает демократию заложницей борьбы между ними, потому что каждая сторона озабочена только текущими расчётами и ни одна не заглядывает в будущее. «Мяч», который они гоняют на протяжении почти двух столетий, только в начале периода имел в своих характеристиках какое-то

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

упоминание проблемы сохранения и развития интеллектуального потенциала коренного населения, улучшения качества нации в воспроизводимых этим населением поколениях. Однако позже возобладало убеждение, что Америку должны развивать таланты, собираемые со всего мира. После Второй мировой войны это убеждение оформилось в долговременную политику официальных властей, сформировался своеобразный принцип недалёкого рыбака – среди мелкой рыбёшки в неводе может оказаться и некоторое количество крупных рыб. Что из такой «рыбалки» получается, хорошо видно в приведенном анализе.

Для великой страны, сегодняшняя мощь которой неоспорима, угрозы её социоэкономической системе со стороны ущербной иммиграционной политики пока не приняли очертания фатальных. Но нужно видеть весь мир в динамике его развития и делать своевременные выводы из анализа этой динамики. Если путь к сегодняшней мощи занял у Америки не менее 100 лет (почти весь XX век и первое десятилетие нынешнего века), то опирающиеся на собственные интеллектуальные ресурсы Япония и Германия, экономика которых была разрушена войной («до основания»), прошли его за 10-15 лет (для справедливости, заметим – умно используя финансовую и материально-техническую не безвозмездную американскую помощь). После коммунистических экспериментов стремительно прошёл свой путь к позиции второй в мире страны по объёму ВВП Китай. Набирают обороты в своём развитии Индия, Бразилия. Здесь упомянуты только крупнейшие по численности населения страны, но ведь подобные амбиции заявлены и многими другими странами. Им всем самим понадобятся многочисленные отряды высококачественного человеческого капитала, и очень возможно, что в недалёком будущем американский «рыбак» может оказаться с пустым неводом.

В западноевропейских странах содержательные и количественные аспекты нелегальной иммиграции приближаются к американским, хотя их иммиграционная политика (исключая Великобританию) всегда была более жёсткой. Серьёзные проблемы, угрожающие их социоэкономическим системам, начали проявляться по принципу «снежного шара» с тех пор (1970-е годы), когда усилили позиции либеральные политические силы, исповедующие мораль так называемой «вины» этих стран за их колонизаторскую историю, а также после значительного расширения состава Европейского Союза (Еврозоны) за счёт восточноевропейских стран. «Изнеженное» относительным благополучием и имеющее более глубокие исторические корни в традициях и стабильности состава населения (чем американцы), коренное сообщество Франции, Германии, Великобритании, Италии уже не выдерживает удара иммиграционной волны и всё чаще прибегает к разным формам протеста. Протестные настроения электората всё радикальнее меняют отношение властей к иммиграции вообще и к нелегальной – в особенности. Многие лидеры этих стран призвали проводившуюся до сих пор иммиграционную политику ошибочной, а факт наличия на их территории многочисленных колоний нелегалов расценивают как следствие беспомощности соответствующих государственных систем.

Почти сравнимые с американскими количественные масштабы нелегальной иммиграции имеют более опасные качественные её характеристики в Великобритании – основной поток нелегалов составляют выходцы из мусульманских стран, которые фактически не могут ассимилироваться в иных человеческих сообществах в силу сложного переплетения причин. Решающую роль среди этих причин играют религиозные догматы и запреты, усиливаемые строгими контролем за их соблюдением со стороны международных религиозных (в основном экстремистских) организаций. Газета Independent полагает, что истинное население в Великобритании приближается к 80 млн., хотя официально в королевстве проживает 60 млн. человек [9]. Беда в том, что в стране в данных об иммиграции царит полный хаос – нет никакого порядка в статистике и никто точно не знает, где и сколько представителей той или иной общины проживает. Не знает также никто, сколько коренных британцев покидают родину – по некоторым предположениям, это число доходит до тысячи в день.

Аналитики Independent пришли к поразительному выводу: в Англии проживают 20 млн. нелегалов; этот результат они получили на основании данных о потреблении продуктов питания, составе контингентов образовательных учреждений и системы социального обеспечения [9]. Гигантская волна иммиграции из азиатских стран умело маскируется под внешне легальные формы проникновения в страну. Например, молодые мусульмане приезжают в Англию в качестве туристов и студентов, и, ступая на остров, «исчезают». Они «появляются» через несколько лет, когда женятся или когда у них рождаются дети, что даёт им право на социальное пособие. Депутат британского парламента Энн Крайер утверждает, что только в её избирательный округ Бэдфорд за 2005-2009 гг. прибыло около миллиона пакистанцев, и 8% браков в округе заключаются между мусульманами [9].

В Англии существует целая индустрия ввоза азиатов в страну под видом студентов. Газета The Times опубликовала результаты скандального расследования, согласно которым один из лондонских международных колледжей заработал 5 млн. фунтов стерлингов на выдаче 2,5 тыс. фиктивных студенческих виз для пакистанцев [10]. В то время как официально в Британии живёт около 3 млн. мусульман, в действительности их, по разным оценкам, от 5 до 15 млн. В следующем поколении их будет от 10 до 30 млн., или гораздо больше, учитывая высокую рождаемость, что означает скорый конец старшей в мире демократии.

В стране с высокой скоростью развивается мусульманская инфраструктура: к началу 2010 года действовало 1600 мечетей, а через 3-5 лет их будет 3000; в 2000 году в Англии было 5 шариатских судов, а к началу 2010 года их стало 85; 40% британских мусульман хотели бы, чтобы шариат был основным законом в Великобритании – они говорят, что им надоела демократия и закон, созданный руками человека, надоела проституция и распущенность британской культуры [11]. Действуя в обход официальной системы правосудия и создавая исламское государство внутри государства, эта инфраструктура всё активнее «исправляет пороки» коренной социоэкономической системы.

Этому губительному для страны процессу способствуют усиливающийся исход наиболее ценных интеллектуальных ресурсов коренного населения (направления оттока – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), разрастание «изнутри» легализовавшихся мусульманских общин, усиливающийся поток мигрантов и ставшее традиционным заискивание британских партий перед мусульманской общиной в надежде получить голоса её представителей [11]. Как и в США, здесь уже действует довольно мощная группировка лоббистов во всех ветвях власти высшего уровня и на местах.

На фоне этого мощного процесса, ломающего традиционную социоэкономическую систему, довольно жалкими выглядят попытки официальных властей уменьшить его интенсивность. Например, власти Британии собираются ввести специальные тесты для проверки образовательного уровня иммигрантов, сократить квоту на въезд лиц со степенью бакалавра и увеличить – для магистров [12], уменьшить на 5% число виз квалифицированным специалистам для работы на местных предприятиях страны [13] и т.д. Смехотворность этих мер очевидна, потому что они касаются легальной иммиграции, измеряемой десятками тысяч в год (около 80 тыс. в 2010 году), а нелегальная иммиграция измеряется миллионами.

Очевидно, что были веские причины для нервного заявления Премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона на Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2009 года) о фактическом провале *политики мультикультуры*. Представитель политического истеблишмента страны, заложившего своими руками под неё эту «мину замедленного действия», теперь заявляет, что «европейские страны вынуждены терпеть сегрегированное сообщество, которое не разделяет наших ценностей», что «политика мультикультурности нас подвела и настало время либерализма с мускулами». Он признал, что политика умиротворения экстремизма привела к появлению в Великобритании изолированных национальных общин, которые не желают интегрироваться в британское общество, и что «надо открыто заявить об отказе от пассивной толерантности последних лет» [14].

Это признание нужно понимать так, что от «гостей» уже нет спасу, так как они свои привычки, традиции, верования всё чаще «вбивают» в головы хозяев насильственным путём (в отличие от США, где так масштабно они пока действовать боятся). Пассивность (или потворство) властей, как и следовало ожидать, привели к тому, что население само и своими методами пытается противодействовать нелегальной (а заочно – и легальной) иммиграции; это, в частности подтверждается быстрым увеличением числа радикальных группировок – своеобразных отрядов «самообороны», конечно же, направляемых ультра-правыми лидерами, близкими по взглядам к фашистской идеологии. Это очень многозначительное следствие политики «мультикультурности», «толерантности», «либерализма» и т.д., которая фактически поставила под угрозу национальные ценности и интересы в угоду корыстным сиюминутным выгодам политиков. Наблюдатели обратили внимание на совсем неслучайный факт – через несколько часов после выступления Д. Кэмерона на улицы Мюнхена вышли от полутора до трёх тысяч человек с лозунгом «Мусульманские террористы, убирайтесь с наших улиц!» [14].

О провале политики мультикультурности на мюнхенской конференции говорили также федеральный канцлер Германии Ангела

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Меркель, бывшие премьер-министры Австралии Джон Ховард и Испании Хосе-Мария Аснар. Показательным было выступление Президента Франции Никола Саркози: «Мы слишком беспокоились об идентичности, людей, прибывавших в нашу страну, но недостаточно – об идентичности собственно нашей страны, принимавшей их» [14]. Франция, пожалуй, единственная страна в мире, где не церемонятся с нелегалами, а также не очень обращают внимание на оценку её действий так называемой «мировой общественностью»: в 2009-2010 гг. из страны были выдворены десятки тысяч цыган – граждан Румынии, где им не понравилось, и они разбили шатры на территории Франции; жёстко подавлялись бунты не согласных с запретами мусульманским женщинам носить паранджу и фотографироваться в ней на официальные документы; за погромы на улицах французских городов по различным поводам безапелляционно депортировались их организаторы и т.д. Благодаря такой политике Франция гораздо эффективнее других стран сохраняет идентичность своей социоэкономической системы, но при этом и не отвергает в принципе выгодную для страны легальную трудовую иммиграцию

В гораздо худшем положении находится сейчас Германия. Эксперты считают, что её иммиграционная политика, проводившаяся на протяжении многих лет, оказалась неудачной, а её последствия оценивают как «самые драматичные». Немецкие элиты переоценили потребность страны в иностранной рабочей силе и теперь большое число иммигрантов грозит обрушить систему соцобеспечения, вместо того чтобы её поддерживать (мнение экспертов авторитетной газеты Welt) [15].

К таким же заключениям пришёл исследователь из США Кристофер Калдвилл в книге «Размышления о революции в Европе: иммиграция, ислам и Запад» [16]. Основные идеи книги выведены из анализа всего послевоенного периода истории ФРГ: речь идёт о настоящей революции, вызванной массовой иммиграцией; государству всеобщего благоденствия европейского образца практически грозит распад, а европейскому секуляризму брошен вызов со стороны ислама; в целом, Европа не может остаться Европой, если в ней уже живут другие люди.

Решение о приглашении иммигрантов, – считает К. Калдвилл, – было принято в трудный для Европы момент, после войны, когда она лежала в руинах, как в материальном, так и в духовном плане. Инициаторы такого шага думали, что речь идёт о кратковременной мере, никто не рассчитывал на большое число иммигрантов, полагали, что их прибудет ровно столько, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в результате потерь в войне. Казалась абсолютно нелепой идея, что иммигранты будут когда-нибудь претендовать на получение социальной помощи, что они принесут с собой культуру и уклад своих деревень, семейные кланы и мечети. Ошибочность такого шага стала понятна с самого начала, но инерция иммиграционного потока была уже непреодолима.

Европейская тяжёлая промышленность, для которой и предназначалась иностранная рабочая сила, в то время уже вступила в фазу упадка. К концу 1990-х годов в немецких городах гастарбайтеры, в частности турки, составляли 40% безработных. Аргумент, часто выдвигаемый немецкими политиками, что иммигранты необходимы для поддержания функционирования системы социального обеспечения, оказался несостоятельным: чтобы исправить перекося, вызванный старением населения Европы и падением рождаемости, ей необходим 201 млн. иммигрантов, – а это больше, чем всё население Европы сейчас.

В Германии число иммигрантов с 3 млн. в 1971 году выросло до 7,5 млн. в 2000 году, но при этом число работающих так и осталось на уровне 2 млн. Если в начале 1970-х годов работающие составляли 65% от общего числа иммигрантов, то уже в 1983 году их доля упала до 38%, вследствие чего иммигранты получают от системы соцобеспечения больше, чем туда привносят. В силу особого ментального отношения немцев к труду им психологически трудно мириться с паразитированием огромных масс иностранцев. Обыватель, не утруждая себя размышлениями о причинах такого положения, видит нежелание многих иностранцев отказываться от обособленного образа жизни, изучать язык, искать работу, учиться, подчиняться законам, всё больше склоняется к стихийному и организованному противодействию, тем более, что почва для этого существовать не перестала.

Заметим, что как и во Франции, германские власти решительно пресекают радикальные проявления с обеих сторон, благодаря чему сохраняется внешняя видимость порядка, но глубинные проблемы остаются. При этом социоэкономические системы обеих стран подвергаются относительно меньшей опасности благодаря и тому, что в них обретается сравнительно немного нелегалов. В регулировании легальной иммиграции Германия, также малоэффективно, как и другие страны, использует квоты, тесты на IQ, языковые курсы, но все эти меры несколько не сдвигают с мёртвой точки проблему её ассимиляции [17].

Вместе с тем, здесь гораздо более действенна система штрафов и уголовного наказания работодателей за использование труда нелегалов; но если, например, в США такие меры в последнее время тоже стали давать позитивные результаты как следствие *страха* работодателей перед законом, то в Германии – это следствие воспитанного за столетия на генном уровне *понимания* закона и порядка. Вообще же, как нам представляется, бытующее в научных изданиях и в СМИ мнение о фатальной неотвратимости нелегальной иммиграции для любой развитой страны сильно преувеличено. Опыт Германии (и Франции) показывает, что очистка государственных систем от коррупции, строгое соблюдение закона по вертикали власти, умение власти слушать и слышать нацию, её решительность в защите интересов страны снимают с этой проблемы фатальность и переводят её в разряд управляемых.

Совершенно другое отношение к иммиграции вообще, а к нелегальной – в особенности, демонстрируют в своей политике и практике «молодые» члены Евросоюза. Они не озабочены проблемами идентичности коренной нации (как развитые страны Европы), не видят в нелегалах угрозы своим социоэкономическим системам, но – наоборот, качественные и количественные изъяны этих систем спешат восполнить с помощью иммигрантов из славянских стран. Их географическое положение и ментальная склонность населения к славянству сравнительно надёжно защищают их от мусульманских потоков и связанных с ними угроз. Наиболее характерный пример – Чешская Республика.

В этой небольшой стране, по официальным данным, находится 480 тыс. гастарбайтеров на законном основании, в том числе 120 тыс. украинцев, а также около 500 тыс. нелегалов, в том числе 100-150 тыс. украинских граждан. Таким образом, почти миллионы иностранцев на 10 млн. коренного населения – это уникальный показатель мирового значения (большой удельный вес иммигрантов только в Великобритании и США). Нелегальный труд здесь организован просто блестяще. Речь идёт о так называемой «клиентской системе», в которой «клиенты» – это посредники, организовывающие приезд работника в Чехию, оформление ему приглашения и поиск работы. Рассчитывается с работником также «клиент», а не хозяин, благодаря чему большая часть дохода присваивается «клиентом»; из него он «субсидирует» довольно длинную цепочку людей из властных структур, поэтому «клиент», хозяин и работник имеют надёжное прикрытие. Иными словами, речь идёт о масштабной государственной коррупции, которая может прикрыть не только простого гастарбайтера, но и бывшего высокопоставленного проходимца. Именно нелегальной миграции Чехия обязана своему бурному экономическому развитию. Благодаря лояльному отношению власти к «незаконным» иностранцам, среди которых преобладают люди с весьма высоким образовательным, профессиональным и даже научным уровнем (естественно, что в абсолютном большинстве – это граждане Украины, Беларуси и России), в Чехии сформировались очень низкие цены на рынке высококачественного труда, и этот факт привлекает многочисленные зарубежные концерны из первой мировой десятки, которые массово открывают в республике свои филиалы. Нелегальное трудоустройство превратилось в прибыльный вид бизнеса для многих чешских бизнесменов и коррумпированных чиновников, получающих на таких схемах многомиллиардные прибыли [18]. Очень вероятно, что в будущем эта морально разлагающая собственное население политика государства «аукнется» в потере качества человеческого материала, но в настоящем она – и это тяжёлый парадокс – даёт надежду миллионам «лишних» людей из других стран.

По своим принципам, системе привлечения и трудоустройства нелегалов к Чехии близка Польша. Согласно экспертным оценкам, здесь используется труд 600-700 тыс. нелегалов и более 500 тыс. «законных» работников, среди которых 300-500 тыс. составляют граждане Украины. В их массе доля людей с высшим образованием и научными степенями даже больше, чем в Чехии. К преимуществам «польского» гастарбайтерства украинские специалисты относят, например, «приемлемый» разрыв оплаты труда по сравнению с аналогичными польскими специалистами и «домашнюю» близость места работы [19].

В маршрутах иммиграции особое место занимает Италия, но в её количественном и качественном составе есть своя специфика: в «спокойное» время сюда традиционно стремятся граждане Украины, а в периоды африканских «потрясений» страну заполняют беженцы из южных направлений; и если первые, как минимум, не ухудшают состояние её социоэкономической системы, то вторые – ощущают её

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

подрывают. В странах Евросоюза к началу 2011 года работали около 1,7 млн. украинцев, в том числе на Италию приходится не меньше половины – 500-600 тыс. легальных и не менее 200 тыс. нелегальных работников. Демографическая ситуация в стране «благоприятствует» украинцам – власти не очень строго контролируют правомочность их нахождения здесь и даже периодически приводят «амнистии» нелегалов (что фактически означает продление их нелегального статуса). Вся эта трудовая масса занята в сельском хозяйстве, строительстве и домашнем хозяйстве без каких-либо социальных льгот со стороны государства [20].

Периодически «атакующий» Европу «арабский десант» первой «берёт» Италию. По данным Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2009 году число нелегальных иммигрантов во всём мире составило 43,3 млн. человек. Лишь 251 тысяча беженцев вернулась затем в места своего постоянного проживания. В Европу в общей сложности прибыли 286,7 тыс. человек, причём, почти все – в Италию. С февраля 2011 года режим гуманитарной катастрофы объявлен на юге страны в связи с наплывом нелегалов из северных стран Африки (Тунис, Египет, Ливия) [21]. Опыт показывает, что впущенные в страну по гуманитарным мотивам нелегалы так в ней и остаются со всеми последствиями, показанными на примерах нелегальной иммиграции в Великобритании, Франции и Германии, с той разницей, что у них есть право на защиту от «нашествия», а у Италии – только обязанности на «гуманитарную добродетель». Опасаясь роста недовольства населения, власти Италии пытаются привлечь к решению проблемы органы Евросоюза и международных организаций, мотивируя необходимость их участия в солидарном финансировании миграционных проектов своей ролью «оборонительного рубежа» остальной Европы.

Грустное удовлетворение вызывает лишь то обстоятельство, что почти все западноевропейские страны, защищаясь от азиатской и африканской миграции, проводят явную или неявную политику благопритязования миграции людей из стран Восточной Европы. На современном этапе преследуются главным образом экономические соображения, но всё более очевидно просматриваются и резоны улучшения качества коренного человеческого материала, при быстром старении которого сохранить его идентичность можно только с помощью во многом идентичного человеческого капитала из славянских стран (тем более, что история XVIII и XIX веков память о таком «опыте» хранит). К таким предположениям подталкивает статистика: если 10 лет назад число гастарбайтеров-украинцев в Испании, Португалии, Греции, Ирландии и других упомянутых выше странах исчислялось несколькими тысячами, то сейчас это уже сотни тысяч, причём в основном – не временных (сезонных) гастарбайтеров, а лиц с правом на жительство, которое неизбежно превращается в гражданство законное.

Но «грустное удовлетворение» с одной стороны, это печаль – с другой: кто же тогда будет решать не менее сложные демографические проблемы в странах «исхода»? Каким образом в них будет воспроизводиться интеллектуальный потенциал в компенсацию «раздаренного» ближнему и дальнему зарубежью? Это отнюдь не риторические вопросы, например, для Украины и России с их быстро сокращающимся и стареющим населением. В крайней ситуации спасительной для них могла бы стать азиатская иммиграция, но ведь ясно, что для неё эти страны ещё долго будут лишь «пунктами транзита», в которых от неё остаются лишь преступность, болезни и прочая «грязь».

В докладе, опубликованном агентством Standard & Poors, говорится, что к середине этого века население России, которое в настоящее время составляет около 143 млн. человек, может уменьшиться до 116 млн. При текущих темпах роста расходов, государственные расходы, связанные со старением населения, увеличатся с 13% до 25% ВВП. В результате этого к 2050 году национальный долг страны может превысит ВВП в 6 раз [22].

Демографы предупреждают, что к 2030 году в России на каждого работающего будет приходиться один пенсионер. Правительство пытается форсировать программы повышения рождаемости и улучшения физического состояния подростков, активизирует пропаганду здорового образа жизни, сокращения потребления алкоголя и табака – на эти цели намечено выделить 50 млрд. долларов. Часть государственного плана является привлечение в страну как можно большего числа мигрантов из бывших советских республик. Однако эксперты предупреждают, что здесь могут возникнуть проблемы, связанные с усилением националистических настроений в России, которые заметно выросли в последние годы и переросли в акты преступного насилия. Несмотря на это власти оптимистично заявляют, что их планы должны способствовать росту населения до 143 млн. человек в 2015 году [22], то есть правильно говорить не о росте, а о сохранении популяции.

Время покажет, насколько такие заявления реалистичны и в какой мере планы власти восстановить (сохранить) популяцию способны перекрыть тенденцию продолжающегося оттока дееспособного населения на Запад и сокращения популяции вследствие смертности. Пока более благоприятные, чем в других республиках, экономические факторы способствуют довольно высокому уровню притока в Россию рабочей силы из Украины (около 4 млн. человек), Беларуси (около 1 млн. человек), республик Средней Азии (суммарно более 5 млн. человек). Но в этих факторах нет стабильной позитивной динамики, вследствие чего сама Россия тоже является «экспортёром» рабочей силы, но гораздо более качественной, чем иммигранты и гастарбайтеры [23]. За последние 5 лет из России по трудовым и учебным визам выехали в другие страны 440 тыс. человек и ещё больше покинули страну с нелегальным статусом [24]. Таким образом, вопрос воспроизводства интеллектуального потенциала этой страны остаётся открытым.

Ещё более сложная ситуация сложилась в Украине, экономические возможности которой не в пример хуже россиянам. Страна, уже долгие годы являющаяся только экспортёром рабочей силы разного уровня качества, словно бы не замечает этого своего «статуса». Бессмысленные споры о числе гастарбайтеров (1,5 млн. – по официальным данным [19], или 8 млн. – по оценкам экспертов [25]), как о сумме их денежных переводов (от 5 до 20 млрд. долларов в год) представляют циничными в сопоставлении с прогнозами независимых мировых центров. Ещё в 2005 году отдел экономических и социальных проблем ООН обнародовал неутешительный прогноз, по которому до 2050 года население Украины сократится почти в 2 раза – с 46 млн. до 26 млн. человек [25]. За 5 прошедших лет процессы постоянного и временного оттока ускорились, что свидетельствует о реальности этого прогноза.

Согласно исследованиям Международной организации по проблемам миграции, средний возраст украинских мигрантов составляет 33 года [26], то есть страна неуклонно утрачивает трудоспособное население. Эксперты считают, что этот процесс обусловлен ежегодным падением уровня жизни населения, нехваткой рабочих мест, низкой зарплатой и реально высокой инфляцией, которая, в свою очередь, ведёт к неуклонному росту цен на продукты питания, медицинское обслуживание и образование. По прогнозам исследователей ООН, демографический «взрыв» в странах Азии, Африки и Латинской Америки, который прогнозируется на 2050 год, совпадёт с депопуляцией населения Украины, когда численность украинцев в возрасте от 18 до 259 лет уменьшится на 44%, а пенсионеров – увеличится на 27% [25].

Вследствие переполненности рынка труда развитых стран и ужесточения ими защитных мер от нежелательной миграции «продукт» азиатско-африканского демографического «взрыва» будет искать применение себе на иных территориях. Неотвратимая логика подобных процессов зародилась ещё в глубокой древности истории человечества, и игнорировать её в современных условиях весьма опасно. В этом аспекте становится ясно, что проводимая развитыми странами политика сохранения идентичности коренных наций диктуется не только и даже не столько экономическими причинами, сколько соображениями сохранения и развития высококачественного человеческого капитала.

Попытки расценивать такую политику с позиций расовых различий, дискриминации народов и так далее носят спекулятивный характер и означают нежелание сторонников таких взглядов смотреть в корень проблемы, выяснять причины, побуждающие огромные массы людей к передвижению. Нельзя игнорировать тот факт, что вектор этого передвижения только один, и если люди используют любые возможности для выживания, то следует отбросить расистский бред и политическое пустословие и помогать им в устройстве жизни на местах. Бедность стран – пунктов исхода миграции – это не наказание свыше и не следствие первоприродных причин (что доказано опытом многих процветающих государств), это – обычное следствие неудачной политики правящих сил.

Выводы и предложения. Формы и методы защиты развитыми странами идентичности своего человеческого капитала от «растворения» в миграционных потоках, их борьба за сохранение своих социоэкономических систем однозначно свидетельствуют, что так называемым бедным странам бесполезно ожидать от развитых каких-либо благотворительных уступок на поле этой борьбы, хотя очевидно, что международная помощь по линии проектов развития будет продолжаться и расширяться. Но кроме финансово-материальной помощи

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

бедным, но стремящимся к развитию странам, должен быть особенно важен практический опыт развитых стран. Разумное его использование как бесценного капитала в условиях его дефицита в собственной стране может дать больше, чем капитал вещественный. Угрожающие прогнозы будущего в отношении таких стран – это не приговор, а предостережение, потому что любые прогнозы берут начало из осмысления современных тенденций и предположений о возможном их изменении в ту или иную сторону. Аналитиков нельзя обвинять в предвзятости. Лучше своевременно внять их предостережениям и достигнутым прогрессом «посрамить» пессимистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. «7 дней», № 10(745), March 18, 2011, p. 27.
2. Reklama, № 2(804), January 13, 2011, p. 16.
3. Obzor, № 5(673), January 28, 2011, p. 14.
4. «7 дней», № 37(723), October 1, 2010, p. 22-23.
5. «7 дней», № 26(712), July 9, 2010, p. 5.
6. «7 дней», № 22(708), June 11, 2010, p. 2; Chicago Tribune, September 2, 2010, p. 6; October 7, 2010, p. 20; RedEye, November 15, 2010, p. 6; Reklama, № 5(807), February 3, 2011, p. 23.
7. Chicago Tribune, March 25, 2011, p. 1,28; RedEye, March 25, 2011, p. 13.
8. Последствия нелегальной иммиграции//Шалом, № 333, Апрель 2010 года, с. 15; Дешёвая рабочая сила обходится дорого. Проблема нелегальной иммиграции ждёт своего решения//«7 дней», № 37(675), October 2, 2009, p. 2,4.
9. Independent, 20 April, 2010, p. 62-65.
10. The Times, 15 March 2009, p. 18.
11. Reklama, № 17(771), April 29, 2010, p. 24.
12. Українське Слово, № 10(278), 5 березня 2009 року, с. 2.
13. Новый Свет, № 4046-4047, June 28, 2010, p. 7.
14. Reklama, № 6(808), February 10, 2011, p. 8.
15. Reklama, № 35(741), September 17, 2009, p. 3.
16. Koldweell, K. Reflections on the Revolution In Europe: Immigration, Islam, and the West, Publisher Wall Street Journal, 2009.
17. Saturday, July 10, 2010, № 706, p. 5; «7 дней», № 42(728), November 5, 2010, p. 7; № 43(729), November 12, 2010, p. 13.
18. Українське Слово, № 17(285), 23 квітня 2009 року, с. 32, 35.
19. Час і Події, № 20, 20 травня 2010 року, с. 21; № 12, 24 березня 2011 року, с. 11.
20. Час і Події, № 33, 20 серпня 2009 року, с. 28; № 12, 24 березня 2011 року, с. 11.
21. Новый Свет, № 4216-4217, February 21, 2011, p. 2.
22. «7 дней», № 11(746), March 25, 2011, p. 73; Reklama, № 13(815), March 31, 2011, p. 35.
23. Reklama, № 10(716), March 12, 2009, p. 38.
24. Шалом, № 341, Декабрь 2010, с. 6.
25. Українське Слово, № 46, 11 листопада 2010 року, с. 28.
26. Українське Слово, № 44, 28 жовтня 2010 року, с. 58; № 46, 11 листопада 2010 року, с. 28.

РОЛЬ ТНК В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ашор Альсадек Ф. Салем, аспирант кафедры «Международная экономика» Донецкого национального университета (Украина)

Ашор Альсадек Ф. Салем. Роль ТНК в международной инвестиционной деятельности.

В статье рассматривается роль и место транснациональных корпораций (ТНК) в современной мировой экономике, анализируются экспертные оценки специфики и направлений хозяйственной и инвестиционной деятельности ТНК. Дана оценка последствия влияния мирового кризиса на ТНК. Определены современные приоритеты и механизмы государственной поддержки регулирования деятельности ТНК. Международная практика показывает, что в большинстве случаев страны, которые создают и поддерживают необходимые условия для прихода инвестиций в экономику, оцениваются ТНК как благоприятные площадки для размещения долгосрочных капиталовложений. В принимающих государствах необходимо осуществлять мониторинг и постоянный анализ приоритетных направлений для ПИИ, объемы накопленных инвестиций, их отраслевую и географическую структуру и влиять на создание инвестиционно – привлекательного климата. Делаются выводы о перспективах развития ТНК в условиях глобализации современного мирового хозяйства.

Ключевые слова: транснационализация, глобализация, транснациональные корпорации (ТНК), прямые иностранные инвестиции.

Ашор Альсадек Ф. Салем. Роль ТНК у міжнародній інвестиційній діяльності.

У статті розглядається роль і місце транснаціональних корпорацій (ТНК) у сучасній світовій економіці, аналізуються експертні оцінки специфіки і напрямків господарської та інвестиційної діяльності ТНК. Дана оцінка наслідків впливу світової кризи на ТНК. Визначено сучасні пріоритети та механізми державної підтримки регулювання діяльності ТНК. Міжнародна практика показує, що в більшості випадків країни, які створюють і підтримують необхідні умови для приходу інвестицій в економіку, оцінюються ТНК як сприятливий майданчик для розміщення довгострокових капіталовкладень. У приймаючих державах необхідно здійснювати моніторинг та постійний аналіз пріоритетних напрямків для ПІІ, обсяги накопичених інвестицій, їх галузеву і географічну структуру і впливати на створення інвестиційно - привабливого клімату. Робляться висновки про перспективи розвитку ТНК в умовах глобалізації сучасного світового господарства.

Ключевые слова: транснационализация, глобализация, транснациональные корпорации (ТНК), прямые иностранные инвестиции.

Ashor Alsadek F. Salem. The role of TNCs in international investment activity. The article considers the role and place of transnational corporations (TNCs) in the modern world economy, analyzes the expert assessments of specific characteristics and trends in economic and investment activity of TNCs. The article also estimates the consequences of the global crisis influence on TNCs. The modern priorities and mechanisms of state support for regulatory activities on TNCs are also determined in the article. International experience shows that in most cases, countries that create and maintain the conditions necessary for the income of investment in the economy, are measured by TNC as a favorable area for long-term investments. In host countries it is necessary to monitor and permanently analyze the priority guidelines for FDI, volume of accumulated investments, their sectoral and geographical structure and to have an influence on the creation of the attractive climate from the investment point of view. The conclusions about the prospects of TNCs' development in the context of globalization of the modern world economy are also drawn in the article.

Keywords: transnationalization, globalization, transnational corporations (TNCs), foreign direct investment.

Основа мирового господства ТНК – вывоз капитала и его эффективное размещение в форме прямых и портфельных инвестиций. Организация ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) к портфельным инвестициям относит вложения в покупку акций, не дающих право инвесторам влиять на функционирование предприятия и составляющих менее 10% в его акционерном капитале. Портфельные инвестиции включают разнообразные инструменты, которыми торгуют на организованных и неорганизованных финансовых рынках: облигации, акции, инструменты денежного рынка. МВФ даже включает в категорию портфельных инвестиций производные или вторичные инструменты,